

И В ЛЬВОВА

«БИТНИЧЕСКИЙ МИФ» О ДОСТОЕВСКОМ

Достоевский входил в западное сознание не просто, мифологизация личности и творчества писателя была существенной особенностью его рецепции в Западной Европе и США. Наиболее влиятельный миф о Достоевском как выразителе русской души появился еще в 1910—1920-е гг.¹

Возникший на американской почве в 1940-е гг. и созданный в кругу писателей поколения Бит новый миф о Достоевском представляет особый интерес как культурный феномен, понимание природы которого позволяет уяснить особенности рецепции Достоевского рядом писателей и поэтов этого круга, характер влияния русского писателя на их индивидуальное творчество.

Литература поколения Бит представлена именами писателей Дж. Керуака, Дж. Холмса, У. Берроуза и поэтов А. Гинсберга, Л. Ферлингетти, Г. Корсо и др. Положил начало литературному движению Бит небольшой кружок молодых литераторов, живших в Нью-Йорке. Центральными фигурами в нем были Гинсберг, Керуак и Берроуз.²

Молодое поколение Бит разделяло возникший в США после Второй мировой войны необычайный интерес к Достоевскому. Существовало три источника, влиявшие на формирование рецепции Достоевского писателями Бит: европейская традиция его восприятия, созданная в годы «культа» Достоевского, воздействие экзистенциализма, который был не только популярной философией, но и формой

---

¹ Этот феномен хорошо исследован в работах *Davenport V A The Vogue of F Dostoevsky In England and the United States The University of Oregon, 1923, Muchnic H Dostoevsky's English reputation (1881—1936) Northampton, 1939, Brewster D East-West Passage A Study of Literary Relationships London, 1954* Д Брюстер отмечала, что «культ Достоевского был по большей части культом русской души» (Р 161)

² Хотя У Берроуз имел репутацию «оракула поколения Бит», он стоит особняком в этой группе. См *Lairdas J The Bop Apocalypse The Religious Visions of Kerouac, Ginsberg and Burroughs Illinois, 2001* Сам он отрицал свою принадлежность к Бит, утверждая, что «у них разные цели и литературный стиль» (*Burroughs W The Job Interviews with William S Burroughs New York, 1976 P 43*)

мировоззрения для многих молодых американских писателей, а также находившаяся в становлении американская традиция восприятия Достоевского. В увлечении поколения Бит Достоевским важную роль сыграл Г. Миллер. Достоевский был любимым писателем Миллера, в чем он неоднократно признавался.³ Авторитет Миллера был высок в кругу писателей поколения Бит. Керуак, Гинсберг, Берроуз считали Миллера одним из лучших современных писателей. Кроме того, они прислушивались и к голосу американских литературоведов, занимавшихся творчеством Достоевского. Такие фигуры, как А. Кейзин, несомненно оказывали влияние на прочтение Достоевского некоторыми из них. Так, Керуак слушал лекции А. Кейзина и вел с ним переписку.

Интерес к Достоевскому свойствен почти всем писателям и поэтам Бит. Произведения русского писателя (предположительно в переводах Констанса Гарнет) входили в круг «обязательного» чтения молодых людей. О своем увлечении Достоевским в разные годы заявляли Грегори Корсо,⁴ Люсьен Карр,⁵ Кеннет Рексрот,⁶ Чарльз Буковски.⁷

Но именно Керуак и Гинсберг определили отношение к Достоевскому поколения Бит, стали создателями особого «битнического» мифа о нем.⁸ По словам поэта Бит Филиппа Уэйлена, хотя многие

---

³ *Miller H. Mother, China and the World Beyond. Sextet. Santa Barbara, 1977. P. 187.*

⁴ *Waldman A. The Beat Book. Writings from the Beat generation. Boston, 1999. P. 1.*

⁵ *Charters A. Kerouac. A Biography. San Francisco, 1973. P. 53.*

⁶ *Revloth K. 1) Essays. New York, 1961, 2) Classics revisited. New York, 1965, 3) Essays from the Other World. New York, 1970.*

⁷ *Duval J.-F. Bukowski and the Beats. Michigan, 2002. P. 99.* Исследователь его творчества Ж.-Ф. Дюваль подчеркивает: «Керуак, Бит и Буковски имели общее — интерес к Достоевскому». В интервью Дювалю Буковски на вопрос о любимых книгах критически отозвавшись о Толстом и Шекспире, отвечает: «Я думаю, это Достоевский. Все его книги» (*Ibid. P. 143*). «Одержимость» Достоевским, кажется, в меньшей степени захватила Г. Снайдера, Л. Уэлча, У. Фелингтетти, М. Макклора и др. *Snyder G. 1) The Real Work. Interviews and Talks. New York, 1964, 2) Look Out. A Selection of Writings. New York, 2002, Welch L. I Remain. The letters of Lew Welch and the Correspondence of His Friends. 1949—1960. California, 1980. Vol. 1.*

⁸ Хотя именно Берроузу принадлежит слава открывателя «подпольного мира», который сами участники связывали прежде всего с миром Достоевского, однако удивительным образом существует мало свидетельств о характере восприятия Берроузом творчества Достоевского. Если письма и интервью Керуака и Гинсберга полны реминисценциями из Достоевского, упоминаниями его героев, то Берроуз не упоминает имени русского писателя ни в интервью, ни в переписке. См. *Burroughs W. Letters to Allen Ginsburg. New York, 1982, Burroughs Live. The collected interviews of William S. Burroughs. New York, 2001, Skelton J. William Burroughs. Indianapolis, 1985.* Исследователи творчества Берроуза не уделяют этой проблеме внимания. Так, Г. Кейвини отмечает, что влияние Достоевского на Берроуза существовало, однако не раскрывает, в чем суть этого воздействия. См. *Moigan T. Literary Outlaw. The life and times of William S. Burroughs. New York,*

писатели и поэты, жившие в Нью-Йорке в послевоенные годы, подражали Достоевскому,⁹ наибольшее влияние русский писатель оказал на Керуака и Гинсберга «Еще в колледже они были помешаны на Достоевском, которого я тоже читал и которым восхищался, но не с такой страстью как они, считавшими его образцом для подражания»¹⁰

Действительно, Аллен Гинсберг был важной фигурой в формировании восприятия Достоевского поколением Бит В пантеоне Гинсберга Достоевский занимал центральное место наряду с другими прозаиками, такими как О Хаксли, Л Селин, Г Миллер Гинсберг познакомился с Достоевским в возрасте четырнадцати лет, когда он прочел роман «Идиот»¹¹ Знакомство Керуака с Достоевским состоялось в 1940 г с чтения «Записок из подполья» Ссылками и реминисценциями из Достоевского полны письма и дневники Керуака

Особенность рецепции Достоевского Гинсбергом и Керуаком состоит в том, что русский писатель воспринимался ими как предтеча поколения Бит Как провозгласил А Гинсберг, «святая Россия — святая Америка, от Достоевского к Керуаку»¹²

Во многом благодаря Гинсбергу и Керуаку сформировалось представление о «святости» Достоевского,¹³ несмотря на то что они хорошо знали факты его биографии, были знакомы с «Дневником писателя» Некритичность в отношении к Достоевскому, тенденция к отождествлению автора и героя, даже уподобление Достоевского Христу объяснялись не столько неосведомленностью Гинсберга и Керуака, сколько стремлением найти моральный авторитет, который бы создавал фундамент для проповеди Бит

И Керуак, и Гинсберг видели себя не только художниками, но и проповедниками, искателями Истины, подобно Достоевскому

Творчество Керуака являло собой своеобразную проповедь, и сам он верил в пророческую миссию художника В дневнике он признается «Потом я прочитал Достоевского и нашел это у него (имеется в виду признание существования любви в нашем бытии — И Л)

1988 Есть свидетельства об интересе Берроуза к творчеству русского писателя По словам Гинсберга, «Берроуз был очень увлечен исповедальностью его безумных героев» (*Ginsberg A Interview with Allen Ginsberg The Beat Generation and the Russian New Wave New York, 1990 P 28*) Кроме того, Берроуза привлекли своевольные герои Достоевского Однако нельзя утверждать, что Берроуз был причастен к созданию «битнического мифа» о Достоевском

⁹ *Whalen Ph Off the Wall Interviews Philip Whalen California, 1978 P 54*

¹⁰ *San Francisco Beat Talking with Poets San Francisco, 2001 P 345*

¹¹ *Bloshteyn M Dostoevsky and the Beat generation // Canadian Review of Comparative Literature 2001 March P 221*

¹² *Ginsberg A Interview with Allen Ginsberg P 27*

¹³ Так, Д Керуак, ссылаясь на Шпенглера, замечает в своем дневнике «Такой прославленный человек, как Шпенглер, признает, что Достоевский — святой» (*Keiouac J Windblown World The Journals of Jack Keiouac 1947—1954 New York, 2004 P 273*)

Нет иной правды, чем правда земного пророка. Я хочу стать и молось о том, чтобы стать земным пророком».¹⁴

Главное, что прочитал Керуак у Достоевского, — это проповедь любви. Об этом он неоднократно рассуждает в дневниках: «Я думаю, что величие Достоевского — в признании существования человеческой любви. Шекспир не проникся глубоко этим пониманием, остановленный гордостью, как и все мы. Достоевский в действительности посланник Христа и для меня — проповедник современного Евангелия. Его религиозный пыл проникает за факты и детали повседневности, поэтому он сосредотачивает внимание не на цветах и птицах, как Святой Франциск, не на финансах, как Бальзак, но на самых будничных вещах. (. . .) Виденье Достоевского — это виденье Христа, только в современных понятиях. Тот факт, что он запрещен в Советской России, говорит о слабости государства. Виденье Достоевского — это виденье, о котором мы мечтаем по ночам и ощущаем днем, это Истина о том, что мы любим друг друга, нравится нам это или нет, т. е. мы признаем существование другого — и Христа в нас».¹⁵ В письме к Холмсу 1958 г. он перефразирует слова Зосимы об аде как неспособности любить: «Ад — это неспособность любить Бога. Неспособность любить Бога — это просто утрата знания об его вечном сострадании».¹⁶

Нужно отметить, что поколение Бит было одним из первых, заинтересовавшихся мыслью Достоевского о том, что в страдании есть идея, — мыслью, которая была наверное самой чуждой для американского сознания. Страдание является условием обретения блаженства (*beatitude*), ставшего целью поисков молодых людей поколения Бит. Исследователь Г. Стивенсон называет процесс прохождения человека через деструктивный опыт к обретению внутреннего знания, духовного просветления — «*the beat-beatific*» (побитый — блаженный).¹⁷ Эти координаты духовного пути человека (от «разбитости», разочарования к блаженству, духовному знанию) определяют смысл путешествия главных героев романа Керуака «На дороге». В данном случае можно обнаружить параллелизм важной темы духовных странствий в творчестве Керуака с темой воскрешения павшего человека у Достоевского. О необходимости страдания пишет Керуак и в своих письмах «Я еще не начинал жить и писать. Единственное, что меня беспокоит, — это неизбежная Сибирь, которую я должен пройти, как Достоевский, которая заставит меня повзрослеть».¹⁸

---

¹⁴ Ibid P 275

¹⁵ Ibid P 273—274

¹⁶ *Kerouac J Selected Letters 1957—1969* P 161

¹⁷ *Stephenson G The Daybreak Boys Essays on the Literature of the Beat Generation* Southern Illinois University Press, 1990 P 43

¹⁸ *Kerouac J Selected Letters 1940—1956 / Ed A Charters* New York, 1995 P 125

Таким образом, одна из особенностей рецепции Достоевского поколением Бит состояла в том, что они попытались переосмыслить сложившуюся традицию его восприятия путем адаптации и усвоения «неусвояемых» прежде сторон творчества писателя.

Поколение Бит — бунтующее поколение. Этот бунт был, безусловно, направлен против ценностей американской коммерческой культуры, утверждал приоритет духовного над материальным, интуитивного над рациональным. Биографу Джейн Крамер Гинсберг говорил: «Мне хотелось жить в большой трагедии-комедии во Вселенной Достоевского. Это был мой идеал. Вселенная, в которой герои находятся в столкновении друг с другом. Вселенная, где каждый ищет Бога и все герои — святые идиоты».¹⁹ «Вселенную Достоевского» Гинсберг противопоставлял миру деловой Америки; духовность, свободу виденья и самовыражения, которую, по мнению Гинсберга, олицетворял мир романов русского писателя — традиционным американским ценностям.

Для мирозерцания поколения Бит важной была и мысль о грядущем новом человеке, который придет на смену человеку европейской цивилизации. Эта мысль была усвоена ими через немецкую традицию восприятия Достоевского в 1910-х гг., интерпретировавшую русского писателя как пророка упадка Запада, прежде всего через О. Шпенглера. О. Шпенглер, чьи суждения о Достоевском оставались весьма влиятельными в Америке 1940-х гг., отмечал огромное различие между фаустовской и русской душой, увидев истинную русскую ментальность в Достоевском. Со Шпенглером познакомил Керуака и Гинсберга У. Берроуз. Вообще следует сказать, что представления о Достоевском как пророке нового варварства были распространены в США в 1940-е гг. Так, американский исследователь Д. Стайнер в книге «Достоевский или Толстой» делает следующее замечание, навеянное, очевидно, этим представлением: «Достоевский проник более глубоко в ткань современной мысли (<...> Скиф, которого Вогиюз представил европейским читателям, стал пророком и историком нашей жизни. Возможно потому, что варварство намного приблизилось к нам».²⁰ Но если Стайнера появление нового варвара пугает, поколение Бит приветствует его, связывая с ним надежды на возникновение новой культуры и цивилизации. Мотив конца цивилизации и культуры характерен для прозы Керуака: он находится под влиянием идей о грядущем апокалипсисе фаустовского интеллектуального Запада. В письме к Гинсбергу он пророчесствует о новой Америке, которая грядет и будет не похожа на ту, которую они знают.²¹

---

¹⁹ *Kramer J* Allen Ginsberg in America New York, 1997 P 122

²⁰ *Steiner G* Tolstoy or Dostoevsky An Essay in the Old Criticism New York, 1959 P 346—347

²¹ *Clark T* Jack Kerouac A Biography New York, 1984 P 88, 135

Более того, для поколения Бит Достоевский становится провозвестником грядущего будущего единения человечества, будущего человеческого братства. Мысль о человеческом братстве важна для мирозерцания Бит. Не случайно ими нередко используется такое обращение друг другу, как «брат Достоевского» (Dostoevskyan brother). Само «подполье Бит» представляло собою мужское братство. О возникновении феномена мужского братства писали известные американские критики. Л. Фидлер связывал его появление с незрелостью молодых американских писателей. М. Каули полагал, что братство — следствие отчуждения молодежи в обществе. Молодые люди вынужденно уходят в подполье, создают свою контркультуру, которая в 1950—1960-е гг. была представлена писателями и поэтами-мужчинами: «Пока что они чувствуют мир снизу, как Достоевский в молодости, когда его вели на казнь: с одной стороны, изоляцию, с другой стороны, братство со всеми униженными и отверженными на земле. Позже они выходят на свет, однако продолжают чувствовать, что принадлежат тайным людям пещер. Конечно, было бы лучше, если братство людей происходило бы сверху, а не снизу, не от ран или грехов, но от здоровья и мудрости».²² Важно отметить, что подполье для Бит было и прообразом будущего братства людей, о котором писал Достоевский.

В представлении Керуака у Достоевского соединились христианская проповедь любви и апология индивидуализма, витализма. В 1947 г. он делает следующую запись в дневнике: «Я пришел к выводу, что мудрость Достоевского — это высшая мудрость в мире, потому что это не только мудрость Христа, но Христа Карамазова — бодрости и радости. Давайте следовать нравственности, которая не исключает самой жизни — любви! (...) Толстой, вероятно, постоянно сознавал свое нравственное значение для остального мира. Но Достоевский, Шекспир — их нравственность вырастает из земли, скрывается там и зреет».²³

В дневнике 1948 г. он размышляет о возможности соединения русской идеи братства и американской идеи Livelihood (жизненности): «Главная идея в Америке, как я полагаю, — это всеобщая livelihood человека, а в России главная идея — всеобщее братство людей. Искажение этих двух идей ведет к империализму, американскому и русскому в сегодняшнем мире. (...) Американская идея — это также возвеличивание скромности и порядочности в обществе. Она вырастет с великой идеей России — идеей Братства».²⁴ Именно чтение Достоевского дает Керуаку надежду на новые отношения

---

²² Cowley V., Piper H. D. A Many-Windowed House : Collected Essays on American Writers and American Writing. Southern Illinois University Press, 1970. P. 252.

²³ Kerouac J. Windblown World P 9.

²⁴ Ibid P. 142—143.

между людьми, в которых сочетаются христианская любовь друг другу и индивидуализм

Достоевский в представлении поколения Бит остается выразителем так называемой русской души²⁵ Русское и русские зачастую виделись через призму романов Достоевского, ассоциировались с его героями Так, братьев Орловских (их родители — русские эмигранты), принадлежавших поколению Бит, друзья нередко сравнивали с героями Достоевского А Гинсберг называл их «карамазовские ангель»,²⁶ Керуак пишет о Питере Орловском как о потомке (« > безумных Ипполитов и Кирилловых Достоевского из царской России XIX века — он даже выглядит похожим на них»²⁷

Достоевский представляет все русское, прежде всего особый духовный склад «У Питера Орловского часто было темное русское в духе Достоевского настроение»²⁸ Русские корни заставляли Гинсберга чувствовать свою близость к русской культуре и русской ментальности В интервью Клинту Фрейксу 1991 г Гинсберг говорил «Я русский поэт, пишущий на другом языке»²⁹ Впрочем, такое же духовное родство испытывал и Керуак, ненавидевший коммунизм, но любивший Россию По словам Гинсберга, «Керуак сказал, что если Россия и Америка станут воевать между собой, он покончит жизнь самоубийством Потому что Керуак прочитал всего Достоевского и тосковал по русской почве»³⁰

Для битнического отношения к Достоевскому характерна идентификация себя с героями его романов, что вытекало из общего стремления разрушить границу между жизнью и искусством, творческим актом и непосредственным опытом В дневнике за 1949 г Керуак делает запись, в которой впервые появляется сравнение американских хипстеров с героями «Бесов» «В кафетерии на пятидесятой и восьмой авеню я сделал заметки о „поколении хипстеров“, которое так похоже на поколение „нигилистов“ у Дасти с одной стороны, они все одержимые, с другой стороны, отличные друг от друга Для хипстера нет секретных обществ, только тайная ночь бибоп Но само зрелище, когда новое поколение порывает с представлениями о на-

---

²⁵ Истоки этого феномена исследованы в работе Р Уильямса Он пишет, что понятие «русская душа» «указывает на качество, которое помогало противопоставить русских рационалистическому, материалистическому, ориентированному на труд и ценящему время миру индустриальной Европы XIX в „Душа“ не только отличала русских, но и позволяла им чувствовать себя выше других» (*Williams R C Russia Imagined Art, Culture and National Identity 1840—1995* New York, 1999 P 3)

²⁶ *Johnson J* *Minor Characters* Boston, 1983 P 123

²⁷ *Kerouac J* *Desolation* Angeles New York, 1979 P 146

²⁸ *Ginsberg A* *Spontaneous Mind* New York, 2001 P 325

²⁹ *Ibid* P 540

³⁰ *Beat Writers at Work* New York, 1999 P 175

роде своих родителей — здесь я вижу параллель со старым Степаном Верховенским и его сыном Петром Верховенским»³¹

Письма и интервью Гинсберга также отражают его стремление интерпретировать происходящее с ним и друзьями через призму мира Достоевского «У Керуака странные друзья в духе Достоевского»,³² «Необходимо в духе Достоевского поехать в Нью-Йорк и поспорить, скажем, с Лайонелом Триллингом»³³ Встреча с Питером Орловским (которого Керуак назовет святым идиотом (Питер Орловский — идиот! Русский идиот!)),³⁴ представляется Гинсбергу «идеализированным в духе Достоевского столкновением душ»³⁵ Любимый герой Достоевского у Гинсберга — Мышкин, видевшийся ему святым дурачком, в котором парадоксально соединились невинность и знание Гинсберг идентифицировал с Мышкиным не только себя (знаменитый диалог с Карлом Соломоном³⁶), но и своих друзей, прежде всего Нила Кэссади Нил Кэссади, считавшийся «Музой поколения Бит»,³⁷ по словам Керуака, как никто другой походил на Достоевского³⁸ Сам Нил Кэссади прочитал Достоевского, находясь в исправительной школе в 1943 г.³⁹ и, познакомившись с Керуаком и Гинсбергом, разделял их увлечение Достоевским

Гинсберг и Керуак изучали и мастерство русского писателя Особенно значительное влияние Достоевский оказал на Керуака Множество замечаний о мастерстве Достоевского-художника рассыпано и в его дневниках Это могут быть случайные заметки, подобно наблюдению за героями «Между тем, каждый у Достоевского

---

³¹ Ibid P 266 Сопоставление героев романа «Бесы» с поколением хипстеров традиционно для культуры Бит Роман «Бесы» занимал особое место «в битническом каноне, как предвосхитивший искания Бит Керуак в письме Джону Монтгомери 1961 г писал «Я думаю, что „Бесы“ — величайший роман всех времен» (*Keiouac J Selected Letters 1957—1969 / Ed A Charters New York, 1999 P 328*)

³² *Ginsberg A Spontaneous Mind P 283*

³³ *Kramer J Allen Ginsberg in America P 114*

³⁴ *Beat Writers at Work P 112*

³⁵ *Kramer J Allen Ginsberg in America P 45*

³⁶ Молодые люди встретились в 1950 г в коридоре Нью-Йоркского государственного психиатрического института, где оба они были пациентами «„Кто ты?“ — спросил Соломон требовательно „Я Мышкин“, — ответил Ален Карл представился как Кириллов» (*Johnson J Minoi Characters*) P 76

³⁷ Цит по *Plummer W The Holy Goof A Biography of Neal Cassady Englewood, 1981 P 39*

³⁸ «Нил больше всех похож на Достоевского из тех, кого я знаю Он выглядит как Достоевский, он игрок, как Достоевский, он относится к сексу, как Достоевский, он пишет, как Достоевский Я подхватываю ритм у Нила Нил — великий святой из бильярдной среднего запада» (*Keiouac J Safe in Heaven Dead New York 1994 P 47*)

³⁹ *Cassady N As Ever The Collected Correspondence of Allen Ginsberg and Neal Cassady Beikeley, 1977 P 39*

говорит „Гм“ все время внутренне ...это ключ к его видению человека — „Гм“ (что за тайна? Что он имел в виду?) Интересно, а мой звук в „Городке и городе“ — а? (Наh). Как будто говорю „как все хорошо идет, но я притворюсь, что ничего не слышу“. На что Дасти отвечает „Гм“». ⁴⁰ Или размышления о специфике изображения характера русским писателем: «У Достоевского нет „злодеев“. Поэтому он „правдивейший из правдивых“. Он видит все одновременно; и он действует по-своему». ⁴¹ Оценки Керуака большей частью восторженные, он смотрит на Достоевского глазами восхищенного ученика. Лишь иногда русский писатель вызывает отторжение: «Сегодня мне пришло в голову, что товарищество — это высочайшая ценность в искусстве... Именно это заставляет меня любить Вульфа и верить в него в то время, как сказал Холл Чейз, „Достоевский оставляет меня холодным, одиноким и напуганным“. (...) Я думаю, что товарищество в хаотичном катастрофическом мире — это лучшая и последняя надежда». ⁴²

Важным в романах Достоевского представляется Керуаку существование многих голосов, множества точек зрения, ни одна из которых не является окончательной. «Спроси X, что он думает о Z. Он скажет одно тебе, другое Y, еще другое самому себе, еще одно толпе, и еще новое A, другое B, и C, D, E, F и так бесконечно. Это секрет Достоевского и секрет человеческого существования, основных законов личностных отношений, которые Дасти называет иногда „позиция“». ⁴³ В письме 1961 г. к Джону Монтгомери он замечает: «Сплетня — это душа Достоевского». ⁴⁴ Обращение к современным событиям, исповедальность, профетизм — это то, что прочитал Керуак у Достоевского и сделал собственными художественными принципами.

Таким образом, миф о Достоевском как о святом, земном пророке, проповедовавшем любовь и необходимость страдания, прозревшем будущее братство и появление нового человека, стал частью мифологии поколения Бит и отразился в их творчестве.

Поколение Бит представило свое оригинальное прочтение Достоевского, сделав его частью новой молодежной контркультуры.

---

⁴⁰ *Kerouac J. Windblown World. P. 266.*

⁴¹ *Ibid. P. 272.*

⁴² *Ibid. P. 73.*

⁴³ *Ibid. P. 279.*

⁴⁴ *Kerouac J. Selected Letters. 1957—1969. P. 328.*